

СОВРЕМЕННЫЙ
ЛЮБОВНЫЙ
РОМАН

СНЕЖНЫЙ

ЕЛЕНА
РУСАНОВА

Ален

Елена Русанова

СНЕЖНЫЙ ПЛЕН

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=72998507

SelfPub; 2026

Аннотация

В канун Нового года Анна бежит из города. Она жаждет не праздника, а забвения в затерянном в лесу отеле, где тишина и снег должны стать щитом от боли. Здесь она встречает Максима, чья пустота в глазах кричит о своей собственной катастрофе.

Их вынужденное соседство, сперва неловкое и тягостное, постепенно превращается в хрупкое перемирие двух израненных душ. Они говорят мало, но понимают друг друга без слов. Однако за этой тихой солидарностью скрывается шокирующая тайна.

История о том, как самые тёмные тени, встретившись, могут стать началом пути к оттепели.

Содержание

Глава 1. Побег от теней и вынужденная близость
Конец ознакомительного фрагмента.

4
29

Елена Русанова

СНЕЖНЫЙ ПЛЕН

Глава 1. Побег от теней и вынужденная близость

Белый свет люминесцентных ламп, вечный и безжалостный, стирающий тени и время. Здесь складывается впечатление, что он не освещает, а препарирует. Под этим светом я врач-педиатр отделения онкогематологии третьей городской, ставила последнюю за год подпись в бланке выписки. Не о выздоровлении, а о переводе в хоспис. Снова.

Девочке Соне всего семь. У неё были косы с синими резиночками и мечта стать балериной, даже когда от химии выпали все волосы. Мы с ней боролись полтора года. Я выжимала протоколы, искала квоты, спорила с руководством о дорогущих препаратах, не спала ночами, изучая новые исследования. Мне казалось, чудо возможно. Но метастазы, тихие и вероломные, как диверсанты, уже проникли в костный мозг. Случай стал для меня личным поражением. Вот уже третьим за год.

Первым был мальчик Витя. Обратились поздно, потому что участковый педиатр месяц лечил «вирус» от «красного

горла», которое оказалось симптомом лейкоза. Второй – девочка Арина. Редкая генетическая поломка, ошибка в диагнозе на ранней стадии, упущенное время. А теперь Соня.

Вышла из больницы не в шесть вечера, как обычно, а когда уже перевалило за полночь. Морозный воздух, острый, как скальпель, ударил в лицо, но не принёс облегчения. Он лишь сменил физическое ощущение стерильной больничной атмосферы на другое – пустоты. Город, украшенный мишурой, гирляндами, навязчиво-весёлой новогодней ерундой, казался мне чужой и враждебной планетой.

С недавних пор каждый смеющийся ребёнок на улице заставлял меня внутренне сжиматься, а каждый взгляд родителей – искать в нём тень невысказанного укора. Хотя начальство, коллеги, даже родители Сони благодарили, говоря: «Вы сделали всё возможное и даже больше». Но эта фраза звенела в ушах пустой железной банкой. «Всё возможное» – и ребёнок умирает. Значит, «всё возможное» – это ничто, а значит, и я – ничто как специалист, как человек, давший клятву.

Дома, в тихой двухкомнатной квартире, пахло пылью и одиночеством. Растения на подоконнике засохли ещё месяц назад. Неотвеченные сообщения от друзей, родственников из другого города, настойчивые приглашения «встретить». Но я просто не могла. Встречать – это предполагало надежду, взгляд вперёд. А я чувствовала себя застрявшей в липком, беспросветном сейчас, где каждый день – это ожидание

новой потери, нового удара по уже онемевшим нервам. Выгорание – это слишком мягкое слово. Это был полный эмоциональный и профессиональный крах. Рухнула вера в систему, в науку, в собственные руки и знания. Остался только инстинктивный страх: не смотреть на детей, и не слышать их. А главное – не чувствовать ничего.

И тогда, среди грустного мерцания экрана ноутбука, нашла это объявление. Отель «Сосновая Гавань». Новогодние каникулы в тишине. Заснеженный лес, домашняя кухня, полный покой». На фотографиях: старый, но ухоженный особняк с резными ставнями, терраса, вид на бесконечные снежные ели. Никаких детей на снимках. Никаких шумных компаний. Тишина. Настоящее забвение. Именно то, что мне нужно сейчас.

Бронь была сделана за пять минут до полуночи. Номер на одного человека. С вечера 30 декабря по 3 января. Билет на автобус – наутро 30-го. Я не планировала праздничный ужин, бой курантов, шампанское. Всё, что я хотела – спрятаться. Исчезнуть. Переждать этот невыносимый праздник, который только подчёркивал моё отщепенство от нормального, счастливого мира.

Утро 30 декабря встретило меня колючей изморозью на стёклах. Упаковала свой минимум: тёплую одежду, книги (бумажные, чтобы не зависеть от электричества), и блокнот, который уже год не открывала. Прощальный взгляд на квартиру был коротким – не на «до свидания», а на «я закрываю

дверь от всего этого».

Автобус был полупустым. Большинство ехало в город, на встречу празднику, а не из него. Я заняла место у окна, уткнулась головой в холодное стекло. Пейзаж за окном медленно менялся с городского на пригородный, потом на заснеженные поля и перелески. С каждым километром напряжённая пружина внутри, казалось, ослабевала на миллиметр. Здесь не было моей больницы, не было улиц, где могла бы случайно встретить родителей бывших пациентов. Здесь была только предновогодняя белизна.

Водитель, бородатый мужчина в шапке-ушанке, включил радио. Лилась какая-то весёлая песня. Я надела наушники, выбрав тихую, ambientную музыку без слов, и закрыла глаза.

Мозг, отвыкший от покоя, тут же начал прокручивать кадры. Лицо Вити, испуганное после первой пункции. Смех Арины, когда она рисовала на медицинском планшете. Пальцы Сони, заплетающие воображаемые косы на бескровной подушке. От воспоминаний я резко открыла глаза и глотнула воздуха.

«Нет. Не здесь. Не сейчас. Я еду, чтобы этого не было», – сказала себе мысленно, с силой, граничащей с молитвой. Концентрировалась на дыхании: вдох на четыре счёта, задержка, выдох. Методика, которую сама же когда-то советовала родителям. Только ирония не вызывала улыбки сейчас.

Через два часа пути небо, до этого свинцово-серое, начало опускаться ниже. Пошёл снег. Сначала редкий, потом всё гу-

ще и плотнее. Автобус замедлил свой ход. Я лишь наблюдала, как снежинки, цепкие и стремительные, залепляли стекло. На удивление меня это не тревожило. Напротив, метель казалась мне союзницей. И чем сильнее она заметёт дороги, тем надёжнее будет её укрытие... тем полнее одиночество.

Остановка была в небольшом посёлке. Отсюда до «Сосновой Гавани», как писала навигация, оставалось три километра по лесной дороге. Автобус, пыхтя, уехал обратно в снежную пелену. А я осталась одна на пустынной остановке со ржавым навесом. Тишина была абсолютной, поглощающей звук моих шагов по свежему, хрустящему снегу. Воздух чистый, морозный и пахнувший хвоей, ударил в лёгкие. Закутавшись в шарф, подняла капюшон пуховика и пошла по едва заметной колее, ведущей в лес.

Эти два километра стали для меня ритуалом очищения. Снег бил в лицо, ветер выл в вершинах сосен, сгибая их тяжёлые, заснеженные лапы. Физическое усилие, холод, борьба со стихией – это было проще, чем борьба с памятью. Тело включилось в режим выживания, отодвинув на второй план душевную боль. Я шла, увязая по колено, и чувствовала, как городская хандра, как тяжёлый налёт, понемногу счищается с моей души этой природной абразивной силой. Я не шла к чему-то, а уходила от... и это было достаточно.

Отель возник неожиданно: из-за завесы снега проступили тёмные контуры деревянного трёхэтажного особняка с башенкой и широкой крытой террасой. Окна светились тёп-

лым, маслянисто-жёлтым светом – видимо, горели керосиновые лампы или свечи. Это было не пафосно, а по-домашнему уютно и даже немного старомодно. На вывеске, скрипящей на ветру, действительно красовалось название «Сосновая Гавань». Я почувствовала не облегчение, а глухую усталость. Достигла точки.

Вошла в прихожую, отряхиваясь от снега. Тепло и запах – печной, древесный, с нотками воска, варенья и старой бумаги – обволокли меня. За стойкой, больше похожей на письменный стол в библиотеке, сидел мужчина лет шестидесяти, в вязаном свитере и с черепаховыми очками на носу. Он читал толстую книгу в потрёпанном переплёте.

– Здравствуйте, – голос мой прозвучал сипло от холода. – У меня бронь на фамилию Соколова.

Мужчина поднял взгляд не торопясь. Его лицо было морщинистым и спокойным.

– А, Анна Михайловна. Ждали вас. Я Игорь Петрович, хозяин. Погода вас, я смотрю, не пощадила. Сейчас всё устроим.

Он протянул мне тяжёлую, резную книгу регистрации и перьевую ручку. И пока я заполняла графы, он размышлял вслух.

– Народу немного. Супруги Лебедевы, пенсионеры, уже третий год встречают у нас Новый год. Молодая семья с пятилетним сыном, приехали вчера. И ещё один гость, мужчина, заселился утром. Всего вас будет пятеро. Тихо будет.

«Семья с ребёнком». У меня на секунду всё сжалось внутри. Но я тут же подавила этот спазм. Это не мой пациент, а просто ребёнок. Поэтому просто кивнула.

– Отлично. Я хотела бы максимального уединения, если возможно.

Игорь Петрович посмотрел на меня поверх очков, взгляд его был пронизательным, но не назойливым.

– Понимаю. Ваш номер на втором этаже, в конце коридора с видом на лес. Там тише всего. Но ужин в восемь – в общей столовой. Повар обидится, если гости не оценят его труды. Особенно в такую погоду.

Он взял мой нехитрый багаж и повёл по лестнице. Деревянные ступени тихо поскрипывали. Стены были увешаны старыми чёрно-белыми фотографиями леса, охотников, самого дома в разные годы. Ощущение было такое, будто попала не в отель, а в гости к немного чудаковатому, но радушному дядюшке.

Номер оправдал ожидания: не очень большой, но чистый и уютный. Деревянная кровать с горой подушек и лоскутным одеялом, письменный стол у окна, кресло-качалка, маленький камин (Игорь Петрович пояснил, что им пользоваться нельзя, но есть электрокамин). И главное – огромное окно, из которого открывался захватывающий вид на темнеющий, засыпаемый снегом лес. Я распахнула шторы. Теперь я была в своей клетке-крепости. Безопасной и изолированной.

Приняла душ – вода была почти обжигающе горячей, с

запахом дерева и железа, – и надела мягкий, поношенный свитер и тёплые носки. Было только четыре часа дня, но из-за метели и леса за окном уже сгущались сумерки. Села в кресло, завернулась в плед и просто смотрела в окно. Никаких мыслей. Простое наблюдение за тем, как снег медленно, неумолимо хоронил под собой мир. Это было гипнотически, почти терапевтично.

Чувство голода пришло неожиданно, напомнив, что я почти ничего не ела с утра. Спустилась вниз ближе к восьми. Общая зона первого этажа состояла из холла с камином (настоящим, где потрескивали поленья) и просторной столовой с длинным деревянным столом. Уже были накрыты пять приборов.

За столом сидели двое пожилых людей – видимо, супруги Лебедевы. Они о чём-то тихо беседовали, и в их позе читалась привычная, годами отточенная гармония. Рядом, у камина, возилась молодая женщина с мальчиком лет пяти. Мальчик пытался сложить из кубиков башню, и она постоянно рушилась. Его смех, звонкий и чистый, прозвучал для меня как удар током. Даже невольно замерла на ступеньке, заставив себя сделать глубокий вдох.

«Он чужой. Он здоров. Это просто звук», – прошептала про себя мантру.

И тут мой взгляд, скользнув по комнате, наткнулся на другую фигуру.

Он сидел в глубоком кожаном кресле в углу, за предела-

ми основного круга света от камина и люстры. Почти в тени. Мужчина лет тридцати пяти – сорока. Одет не по курортному: тёмные штаны, тёмный свитер, никакой праздничной атрибутики. В руках он держал книгу, но не читал её. Он смотрел на огонь в камине. Его поза была неестественно неподвижной, как будто он сознательно сдерживал любое движение. Лицо, освещённое снизу дрожащим светом пламени, казалось высеченным из камня: резкие скулы, твёрдая линия сжатых губ, тень от длинных ресниц на щеках. Но не это поразило меня. Поразило выражение. Это была не просто отстранённость или усталость. Это была глубокая, тотальная отключённость. Взгляд, устремлённый в огонь, был пустым. Он смотрел не на пламя, а сквозь него, в какую-то свою, невыносимую внутреннюю реальность.

Я, как врач, видела это состояние. Это было горе, перешедшее в стадию эмоционального оцепенения, клиническую депрессию. Ту самую пустоту, которая знакомее и страшнее любой боли. И в этот момент он, словно почувствовав моё наблюдение, медленно, очень медленно повернул голову.

Наши взгляды встретились.

Это не был мимолётный, случайный контакт двух людей в общественном месте. Его взгляд, пустой секунду назад, вдруг сфокусировался. Не просто на мне, а в меня. Он будто просканировал меня за долю секунды: мою собственную усталость, написанную на лице, осторожную позу, желание быть невидимой. В его глазах не было любопытства, ско-

рее... узнавание? Нет, не меня лично, а узнавание моего состояния. Как будто он увидел во мне родственную душу по опустошению.

Взгляд длился, может быть, три секунды. Но для меня он растянулся. Я почувствовала неловкость, почти нарушение границ. Первой отвела глаза, сделала шаг к столу.

– Добрый вечер, – тихо сказала в пространство.

Супруги Лебедевы ответили приветливыми кивками. Молодая мама улыбнулась. Мальчик крикнул: «Привет!». Незнакомец в кресле не произнёс ни слова. Он просто медленно вернул свой взгляд на огонь, снова превратившись в статую.

Во время ужина – вкусного, домашнего, приготовленного поваром Мариной, женой Игоря Петровича – старалась поддерживать лёгкий разговор с пенсионерами. Они расспрашивали, откуда я, чем занимаюсь. Решила ответить уклончиво: «Из города, работаю в медицине». Говорила в общем мало, больше слушала их истории о саде, о внуках. Молодая семья была поглощена своим сыном, который капризничал, не желая есть суп.

Незнакомец сидел напротив меня, через стол. Он ел механически, почти не глядя на тарелку. Он не представился. Лебедевы, видимо, уже пытались с ним заговорить утром и теперь не беспокоили. Игорь Петрович, поднося блюда, обращался к нему по имени-отчеству.

– Максим Олегович, передайте, пожалуйста, хлеб.

Так, мы и узнали его имя. Максим. Он лишь кивал, выполняя просьбы.

Однажды, когда невольно взглянула на него, он снова поймал мой взгляд. На этот раз в его глазах была не пустота, а что-то сложное: настороженность, усталая защита. И снова это мгновенное, безмолвное понимание: «Я тебя вижу. Я вижу, что ты тоже несёшь что-то тяжёлое. И я не хочу говорить об этом. И ты не хочешь».

Это была самая странная и самая искренняя коммуникация за последние месяцы в моей жизни.

После ужина Игорь Петрович, попивая чай, озабоченно посмотрел в окно.

– Метель, кажется, только усиливается. По радиации сообщили: трассу на выезде из района уже закрыло, снегоочистители встали. Похоже, мы всерьёз отрезаны до утра, а то и дольше.

Пенсионеры лишь ахнули, восприняв это как приключение. Семья с ребёнком забеспокоилась о планах на обратную дорогу. Максим Олегович, тот самый незнакомец, не проявил никакой реакции. Как будто ему было всё равно, отрезан он от мира или нет. Мир для него, казалось, уже давно закончился.

Я же почувствовала странное, почти совершенное удовлетворение. Мой план сработал даже лучше, чем я могла ожидать. Теперь моё одиночество было не просто выбором, а объективной реальностью, санкционированной стихией. А моя крепость стала неприступной.

Пожелав всем спокойной ночи, поднялась в свою комнату. На лестнице снова почувствовала на себе чей-то взгляд. Обернувшись, увидела, что Максим стоит в дверном проёме гостиной, наблюдая, как я поднимаюсь. В его позе не было угрозы, только... изучение. Как будто он пытался разгадать сложную, но важную загадку.

Быстро вошла в свой номер и закрыла дверь. Сердце почему-то билось чуть чаще. Но не от страха, а от чего-то другого. От осознания, что моя боль, и моё бегство – не уникальны. Что в этом тихом, занесённом снегом доме, кроме меня, есть ещё кто-то, кто живёт в таком же, если не в большем, аду. И этот кто-то заметил меня.

Я подошла к окну. Метель бушевала, заваливая следы, оставленные мною всего несколько часов назад. Мир снаружи перестал существовать. Остался только этот дом, эти люди и тихий гул собственных мыслей. Легла в постель, слушая, как ветер бьётся в стёкла, и впервые за долгое время не думала о больнице, о диагнозах и детских глазах. Я думала о пустом, застывшем взгляде незнакомца по имени Максим. И о том, как этот взгляд, встретившись с моим, на мгновение ожил, отразив в себе, мою же собственную боль.

Мой побег от теней только что приобрёл неожиданное измерение. Тени, оказалось, могут отражаться в других. И в этой зеркальности было что-то не просто тревожное, а глубоко, пугающе значимое. Но осознать это мне было пока не суждено. Меня ждал сон, а завтра – новый день в западне из

снега и тишины.

Проснулась от непривычной тишины. Вернее, не тишины, а иного звукового ландшафта. Не было слышно ни машин, ни гудков, ни отдалённого гула города только глухой, подавляющий все остальные шумы, вой ветра в соснах и мягкий шелест снега, бьющего в стекло. Свет в комнате был молочно-рассеянным, призрачным: метель превратила огромное окно в матовый экран.

Первое чувство было почти детским, эгоистичным восторгом. Мой план сработал безупречно. Мир отступил. Существовали только эта комната, это кресло, этот хрустящий под одеялом холодок с края постели. Я могла лежать и просто быть. Никто не нуждался в моём диагнозе, в моих решениях, в моих утешениях. Я была свободна от самой себя.

Встала с кровати и подошла к окну. Пейзаж был сведён к абстракции: белое на белом, движущиеся косые линии снега. Дороги, по которой я сюда пришла, не существовало. Лес стал сплошной белой стеной. Чувство изоляции было абсолютным и, для меня в этот момент, благодатным.

Завтрак в столовой прошёл тихо и разобщённо. Супруги Лебедевы, облачённые в парные вязаные свитера, обсуждали, как хорошо, что они взяли с собой домино и книги. Молодая мама, Наталья, пыталась уговорить сына Степана доесть кашу. Мальчик капризничал, скучая по мультикам, которым мешал отсутствующий интернет. Максим Олегович сидел за тем же крайним местом. Он пил чёрный кофе, не

притрагиваясь к еде. Его присутствие было настолько ненавязчивым, что его словно и не было, но при этом физически ощутимым – как тёмное, холодное пятно в углу тёплой комнаты.

Игорь Петрович, хлопотавший около буфета, выглядел озабоченным.

– Связь, к сожалению, полностью пропала. Даже рация на крыше забилась снегом. Дорогу, говорят, будут расчищать только после того, как стихнет метель. А синоптики... – он развёл руками, – синоптики сами, наверное, в снегу.

– Это надолго? – спросил муж Натальи, Дмитрий.

– На пару дней, не меньше. У нас запасов хватит, генератор есть. Главное – тепло не терять.

Я ловила себя на мысли, что слушаю это с полным равнодушием. Пусть хоть на неделю. Меня всё равно никто не ждал. Работа... мысль о работе вызвала спазм в желудке, и я быстро отогнала её прочь. Здесь и сейчас моей работой было выжить в празднике, и буря была моим лучшим союзником.

После завтрака все разошлись. Я вернулась в номер с книгой, но читать не могла. Смотрела в окно, слушала вой ветра и впадала в подобие транса, где время текло иначе. Это было то состояние, которого я жаждала: отсутствие необходимости что-либо чувствовать.

Первым признаком того, что моя идеальная крепость уязвима, стал звук. Тихий, но назойливый – кап-кап-кап. Он пробивался сквозь гул метели. Я вскинула голову. Капля

упала мне прямо на лоб, холодная и обескураживающая. Ещё одна – на раскрытую страницу книги, расплываясь тёмным пятном.

Я подняла глаза. На белом потолке, прямо над кроватью, расплзлось мокрое, желтовато-коричневое пятно. По его центру набухла и срывалась вниз очередная капля. Протечка.

Внутри у меня всё похолодело. Не от самой поломки, а оттого, что мой покой, моё контролируемое уединение дало сбой. Мир в лице разбухшей от снега крыши и лопнувшей трубы вторгался в мою берлогу.

Я накинула свитер и вышла в коридор, намереваясь найти Игоря Петровича. В этот же момент из соседней комнаты (той самой, где, как я поняла, жила семья с ребёнком) выскочила Наталья с испуганным лицом:

– У нас потоп! С потолка течёт прямо на кроватку Стёпы!

На шум уже бежал Игорь Петрович, а за ним, медленнее, его жена Марина. Лицо хозяина было серьёзным.

– Чёрт! Должно быть, лопнул стояк на чердаке. Старая система... Мороз, нагрузка снегом... Пока не перекроем, не остановить.

Он бросился наверх, в техническое помещение. Я продолжала стоять в коридоре, ощущая себя лишней и беспомощной. Через открытую дверь номера семьи видела, как Дмитрий с проклятиями оттаскивает детскую кроватку, а с потолка струйкой льётся вода. Супруги Лебедевы вышли из своей

комнаты, тихо ахая.

Прошло минут двадцать напряжённого ожидания. Наконец, Игорь Петрович спустился, красный, взволнованный, в мокрой одежде.

– Воду перекрыл. Но ущерб... – он тяжело вздохнул, вытирая лоб. – Три номера залиты основательно: ваш, Анна Михайловна, номер семьи Орловых и... – он обвёл взглядом коридор, – и соседний с вами, пустой, к счастью. Полы, потолки, проводка... Пользоваться ими нельзя, сыро, холодно и риск короткого замыкания.

Тишина повисла густая, как туман. Потом её нарушил Дмитрий:

– И что, нам на полу в холле спать? У нас ребёнок!

– Успокойтесь, успокойтесь, – заговорила Марина, пытается взять ситуацию в мягкие руки. – Мы всё решим. У нас есть диван в библиотеке, его можно разложить. А для Анны Михайловны... – я посмотрела на хозяйку отеля с неммым вопросом.

Игорь Петрович потёр переносицу. Он выглядел виноватым и растерянным.

– Свободных целых номеров нет. Все остальные заняты или... нежилые зимой. Есть только... – он запнулся и невольно бросил взгляд в конец коридора, туда, где были расположены самые большие номера-люксы. – Есть только люкс «Сосновый». Он двухкомнатный, с небольшой гостиной.

– Отлично! – оживился Дмитрий. – Туда можно всех переселить!

– Нет, – сухо и твёрдо сказал Игорь Петрович. – Этот номер занят. Максимом Олеговичем.

Все, включая меня, обернулись. Максим стоял в дверях своей комнаты, которая, судя по расположению, и была тем самым люксом. Он слышал всё. Его лицо было непроницаемой маской, но в глазах мне показалось молниеносное движение – то ли раздражение, то ли паника, то ли что-то ещё, моментально задавленное.

– Я могу переждать в гостиной, – тихо, но чётко сказала я. – На диване. Главное – не на улице.

– В гостиной камин не работает, и она промёрзшая ночью, – возразила Марина. – Это не вариант.

Игорь Петрович сделал шаг к Максиму, понизив голос, но в тишине коридора было слышно каждое слово:

– Максим Олегович... Я понимаю, что это крайне неудобно и нарушает все ваши планы на уединение. Поверьте, мне безумно стыдно. Но вы живете один в двухкомнатном номере с гостиной. Мы могли бы... временно... разместить Анну Михайловну в гостиной? Это буквально на пару ночей, пока не протопим и не просушим другие комнаты. Я, конечно, полностью компенсирую...

Он недоговорил. Максим молчал, глядя куда-то в пространство над головами собравшихся. Казалось, он взвешивает неудобства, а какую-то внутреннюю, невидимую другим

угрозу. Я чувствовала, как по моей спине бежит холодок стыда и унижения. Я стала проблемой. Обузой. Предметом торгов и неловкости. Это было в тысячу раз хуже, чем просто быть одной.

– Не надо компенсаций, – наконец произнёс Максим. Его голос был низким, глуховатым, как будто давно не использовался по назначению. – Размещайте. Гостиная отдельная. Дверь есть.

Он сказал это не как жест великодушия, а как констатацию наименьшего из зол. Как будто соглашался на медицинскую процедуру.

– О, спасибо вам огромное! – воскликнула Марина, и в её голосе прозвучало искреннее облегчение. – Анна Михайловна, вы не представляете, как нам... Ну, вы понимаете. Мы принесём вам всё необходимое! Постель, ширму, всё!

Я лишь смогла только кивнуть. Моё горло пересохло. Я посмотрела на Максима, пытаюсь поймать его взгляд, чтобы передать хоть какую-то смесь извинений и благодарности. Но он уже разворачивался, чтобы уйти в свою половину номера, бросив на прощание Игорю Петровичу:

– Предупредите, когда нужно будет освободить пространство.

Процесс переселения занял пару часов. Пока Марина и Игорь сушили полы и разгружали промокшие вещи из моей старой комнаты, я сидела на диване в холле, чувствуя себя бездомной. Стёпа бегал вокруг, радуясь приключению, и

его смех теперь резал слух не абстрактно, а очень конкретно, напоминая о хрупкости детства и о том, как легко его можно разрушить – болезнью, случайностью, потоком воды с потолка.

Мои вещи, слегка влажные на ощупь, перенесли в люкс. Сам номер был, действительно, просторным и самым красивым в отеле: большая гостиная с панорамным окном и выходом на балкон (теперь занесённый снегом по самую раму), диван, кресла, книжные полки. И две двери. Одна вела в коридор, вторая, приоткрытая, – в спальню Максима. Краем глаза увидела там строгую, почти монашескую обстановку: аккуратно застеленная кровать, на тумбочке книга, ничего лишнего.

Моё временное пристанище организовали в гостиной. Поставили раскладную кровать, отгородили её высокой старомодной ширмой с изображением павлинов. Получилась каморка. С одной стороны – ширма, с другой – стена с окном в метель. Клетка в клетке.

Когда всё было готово, я осталась одна в гостиной. Дверь в спальню Максима была прикрыта, но не закрыта наглухо. Я стояла, прислушиваясь к тишине. Оттуда не доносилось ни звука. Казалось, там никого нет. Но я чувствовала его присутствие кожей – это было плотное, почти осязаемое поле молчаливого несогласия. Я вторглась. Он позволил. Оба были в ловушке.

Первые часы прошли в полной, давящей тишине. Я пыта-

лась читать, но слова расплывались. Смотрела в окно, но теперь вид не приносил успокоения, а лишь подчёркивал безвыходность. Я была заперта не только в отеле, но и в комнате с призраком, чья скорбь была тише, но, возможно, глубже моей собственной.

Вечером, собравшись с духом, я постучала костяшками пальцев в дверь его спальни.

– Войдите, – послышалось почти немедленно.

Он сидел в кресле у своего окна, в той же позе наблюдателя за бурей, в которой она видела его в первый вечер. В комнате горела одна настольная лампа, отбрасывая длинные тени.

– Я... я хотела ещё раз извиниться за неудобства, – сказала, не переступая порог.

– Не из-за вас, – отрезал он не оборачиваясь. – Всего лишь стихия. Фактор.

– Всё равно. Спасибо, что пустили.

Он лишь кивнул, едва заметно.

Хотела что-то ещё сказать, спросить, не нужна ли ему помощь с чем-то, предложить как-то организовать быт, но слова застряли в горле перед этой стеной. Я отступила, тихо прикрыв дверь.

К восьми часам, как и положено, мы спустились на ужин. Семья Орловых уже расположилась на диване в библиотеке – их временном жилище. Лебедевы были на своих местах. Общая атмосфера стала более сплочённой, почти походной: об-

щая беда сближала. Все обсуждали протечку, метель, строили предположения, когда всё наладится. Только я и Максим оставались островами молчания в этом потоке слов.

Игорь Петрович и Марина старались изо всех сил: на столе появилось что-то похожее на праздничный ужин – запечённая курица, соленья, пироги. Внезапно, ровно в половине девятого, лампочки над столом мигнули раз, другой и погасли. Вслед за ними потух свет во всём отеле. Только огонь в камине и пара керосиновых ламп на стойке ресепшена продолжали бороться с темнотой.

– Генератор! – крикнул Игорь Петрович и куда-то побежал.

Через несколько минут где-то в глубине дома заурчал мотор, и в коридорах и в некоторых розетках свет появился, но основное освещение в столовой и гостиной так и не заработало – видимо, вода добралась до проводки.

– Ничего страшного! – бодро объявила Марина, расставляя по столу толстые восковые свечи в подсвечниках. – Будем по-старинке. Романтично!

При свечах лица выглядели иначе. Тени двигались, сглаживая острые углы, пряча морщины. Супруги Лебедевы, держась за руки под столом, казались героями старой сказки. Стёпа затих, замороженный пламенем. Я сидела напротив Максима. В мерцающем свете его лицо потеряло свою дневную резкость, стало более загадочным, почти красивым в своей печальной отстранённости. Он аккуратно резал ку-

рицу, и его длинные пальцы отбрасывали на скатерть причудливые тени.

Разговор за столом, натужно-вежливый, вертелся вокруг бытовых тем. Лебедевы расспрашивали Орловых о работе. Те отвечали. Потом все попытались вовлечь Максима.

– Максим Олегович, а вы далеко от города? – спросила Людмила Лебедева.

– Да, – коротко ответил он.

– По работе здесь?

– Нет.

Пауза стала неловкой.

– Просто отдыхаете?

– Можно и так сказать.

Его ответы были не грубыми, а окончательными. Как будто он ставил точку в конце каждого предложения, не оставляя места для следующего вопроса. Я ловила себя на том, что изучает его не как враг или неудобство, а как интересный, сложный симптом. Симптом тяжёлой душевной травмы. Видела, как он избегает прямых взглядов, как его плечи напряжены, как он почти не ест. Клиническая картина была ясна, но причина – нет.

Потом очередь дошла и до меня.

– Анна Михайловна, а вы врач, да? – уточнил Дмитрий. – Терапевт?

– Педиатр, – тихо сказала и тут же пожалела. Это слово, произнесённое вслух в этой тёплой комнате, стало вдруг ле-

дяным.

– О! – оживилась Наталья. – Это же прекрасно! Стёпа, слышишь, тётя врач!

Мальчик посмотрел на меня с внезапным интересом, но в моих глазах, должно быть, что-то мелькнуло, потому что он тут же прижался к матери.

– Тяжёлая сейчас у врачей работа, – вздохнул Николай Лебедев. – Особенно с детьми. Столько всего ходит...

Почувствовала, как моё горло сжимается. Свечи поплыли перед глазами. Я взяла стакан с водой, но рука дрогнула.

– Да... бывает по-разному, – выдавила, глядя в тарелку.

Максим, сидевший напротив, поднял на меня взгляд. В его глазах не было любопытства. Было понимание. То самое, которое я уловила в первый вечер. Он видел мою панику. Видел, как это слово – «педиатр» – ранило меня. И в этом безмолвном понимании не было сочувствия (сочувствие было бы невыносимо), а было лишь признание факта: «Да. И у тебя тоже есть своя боль. И мы о ней не будем говорить».

Он отвёл глаза первым, и это стало жестом милосердия.

После ужина, когда все разошлись по своим углам, я и Максим молча поднялись по лестнице. В полутьме коридора он остановился у двери в их общий номер.

– Вам... нужно что-нибудь, пока я не ушёл? – спросил он, глядя куда-то мимо меня.

– Нет, спасибо. Всё есть.

– Тогда спокойной ночи.

– Спокойной ночи.

Он вошёл первым и закрыл за собой дверь в свою спальню. На этот раз я услышала тихий, но чёткий щелчок поворачивающегося ключа. Он заперся.

Я же осталась одна в тёмной гостиной, освещённой лишь отблесками метели за окном. Звук щелчка замка прозвучал как приговор. Он не просто не хотел общения. Он защищал свою территорию, свои границы, свою тайну. И я, невольная нарушительница этих границ, была по ту сторону баррикады.

Легла на скрипучую раскладушку за ширмой с павлинами. Ветер выл, как раненый зверь. В доме скрипели балки. Где-то капала вода. И тишина за соседней дверью была громче любого шума. Я была заперта не только метелью и сломанными трубами. Я была заперта в клетке вынужденного соседства с человеком, чья боль, казалось, была такой же бездонной, как и моя собственная. Но если моя боль была шумной, полной образов, звуков, запахов больницы и детских голосов, то его – была беззвучной, чёрной дырой, поглощающей свет и звук.

И в этой двойной изоляции, физической и эмоциональной, я впервые за много месяцев почувствовала не просто одиночество, а одиночество вдвоём. Это было странное, невыносимое и гипнотически притягательное состояние. Западня захлопнулась. Теперь нам предстояло выяснить, сможем ли мы в этой тесной клетке просто не съесть друг друга

ПОЕДОМ МОЛЧАЛИВОГО ОТЧАЯНИЯ.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.